

БЕСПЛАТНО

ТБИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ
ИНСТИТУТ

47 800

Б. Ф. СВАНИ

На правах рукописи

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРУЗИИ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации, представленной на соискание ученой степени
кандидата медицинских наук

Грузмедгиз
Тбилиси
1955

Б. Ф. СВАНИ

На правах рукописи

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРУЗИИ

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации, представленной на соискание ученой степени
кандидата медицинских наук

0 | 489168
47800 | Свани, Б.Ф.
Материалы к исто-
рии психиатри-
ческой эксперти-
зы в Грузии, 1955.
Тбилиси, 1955.

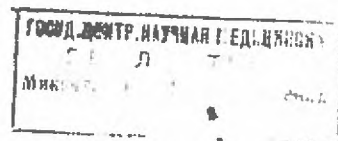
489168

Работа выполнена на кафедре психиатрии Тбилисского государственного медицинского института.
Зав. кафедрой—засл. деят. науки, проф. А. Ф. Гоциридзе

Защита диссертации состоится «10» IV 1956 г.
в Тбилисском государственном медицинском институте (Тбилиси, ул. Меликишвили, 10).

Решением Ученого совета Тбилисского медицинского института официальными оппонентами назначены:
Доктор медиц. наук, проф. Гобронидзе Е. Г.
Канд. медиц. наук, Джимшелейшвили В. П.

Дата рассылки автореферата «10» IV 1956 г.

489168

Богата событиями история Грузии на протяжении своего многовекового существования. Выгодные географические и стратегические условия вызывали тяготение к Грузии разных держав Запада и Востока.

Много раз превращали в руины цветущую Грузию и ее лучшие сыны и дочери уводились в плен захватчиками. Уничтожались и предавались огню памятники культуры и искусства, и это варварство продолжалось до тех пор, пока Грузия не заключила вечный союз с единой Россией.

Академик И. Джавахишвили указывает, что несмотря на ограниченность дошедших до нас памятников культуры, все же можно многое установить о богатом прошлом грузинского народа.

На основании анализа этих памятников прослеживаются гуманные традиции наших предков в области правосудия; чувствуется, что до вынесения приговора, наши предки старались разобраться в интеллектуальных функциях испытуемого, вникали в ту ситуацию, при которой было совершено правонарушение. Но этой традиции не всегда придерживались. Решающим в данном случае являлось состояние государства.

На базе политического усиления Грузии в XI—XII столетиях наука и культура достигают высокого уровня.

Внутренние междоусобия и нашествия монголов, персов и турок, их продолжительное господство в Грузии (в XIII—XV в. в.) и последующее раздробление Грузии привели к упадку грузинскую феодальную культуру.

С XIX столетия в Грузии вновь начинается подъем культурного уровня. Это тот период, когда в Грузию возвращалась интеллигенция, получившая образование в России, когда медицина окрепла и на фоне клинического материала подросла более оформленная психиатрическая экспертиза и когда в Кавказском юридическом обществе начали обсуждать вопросы о праве и значении психиатрической экспертизы. Несмотря на это, вопрос экспертизы в основном остался неизученным и ее фактически вели работники юстиции, полиции и др.

Новая область судебно-психиатрической экспертизы и новые задачи начали творчески развиваться только при советском строе.

В практике судебно-психиатрических оценок были преодолены заимствованные у буржуазной науки ее биологизаторские тенденции.

Мысль об изучении данного материала у автора возникла еще в 1949 году. Отдельные главы труда были прочитаны как на психиатрической кафедре, так и на кафедре истории медицины.

Диссертационная работа «Материалы к истории психиатрической экспертизы Грузии», в основу которой легли архивные материалы (древнегрузинская художественная литература, протоколы медицинских и юридических обществ и периодика XIX столетия), состоит из введения, трех глав и заключения.

Глава I — О сущности психиатрической экспертизы.

Глава II — Психиатрическая экспертиза в древней Грузии.

Глава III — XIX столетие и уровень психиатрической экспертизы в Грузии, с кратким обзором истории XX столетия.

* *

В вводной части труда указывается на нынешний этап развития медицинской науки в Советском Союзе, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Подчеркнуты преимущества социалистической системы, где законы равны для всех, независимо от их национальности и расы.

Приведены цитаты классиков марксизма-ленинизма об установлении твердого революционного порядка, на основе учения которых в дальнейшем развилось советское законодательство.

В этом же разделе говорится также о правах граждан Советского Союза и об общем современном состоянии психиатрической экспертизы у нас и в странах буржуазии.

* *

Первая глава «О сущности психиатрической экспертизы» повествует о состоянии экспертизы в периоде до развития отечественной психиатрии, когда еще не существовали психиатрические больницы, медицинские кадры, когда психиатрическую экспертизу практически вели полицейские работники или, в лучшем случае, «городские врачи».

Здесь подчеркивается влияние на развитие психиатрической экспертизы русских мыслителей (А. Радищев, В. Белинский, И. Добролюбов, И. Сеченов, Д. Писарев), которые, опираясь на данные естествознания, проводили материалистиче-

ское направление в жизнь, закладывая основы судебной психиатрии — психиатрической экспертизы в России.

В этой же главе проанализированы вопросы ответственности психических больных за совершенные ими правонарушения и роль врача, привлеченного в качестве эксперта. При рассмотрении этого вопроса приводятся концепции русских психиатров (И. Балинский, В. Кандицкий, С. Корсаков, В. Сербский), которым в тяжелых условиях реакции приходилось пробивать путь научной, судебной психиатрии. Более подробно освещены заслуги В. Сербского, как уделявшего большое внимание вопросу судебной психиатрии, психиатрической экспертизе. Цитированы отдельные места из его работы, где им всесторонне проанализировано правовое положение психических больных и законодательство о них.

Далее освещаются данные о зарождении советской психиатрической экспертизы с первых лет установления советской власти. Приводятся теоретические и практические толкования современных авторов (А. Бунеев, А. Вышинский, В. Осипов) по вопросам психиатрической экспертизы и вменяемости, дифференцируются понятия о задачах советской и буржуазной психиатрической экспертизы.

Говорится также о разнице между военно-психиатрической и судебно-психиатрической экспертизами, об имевших место в далеком прошлом симуляциях (мифические произведения), о толковании этого термина, о частоте случаев симуляции в буржуазных странах.

Наконец, в этой главе указывается о значении объективных данных при изучении испытуемого во время решения вопроса о его вменяемости.

* *

Вторая глава — «Психиатрическая экспертиза в древней Грузии» посвящается изучению памятников, выявляющих глубину мышления по означенному вопросу грузинского народа в древности.

С этой целью, кроме медицинских памятников, разработаны вопросы древнего права Грузии, и в связи с психиатрической экспертизой — также вопросы развития других отраслей.

В работе представлены имеющиеся в письменных памятниках ценные справки о фактах психиатрической экспертизы, анализ которых устанавливает, что в древней Грузии имели место случаи освидетельствования испытуемых для установления уровня интеллектуального развития и психического состояния.

Дальше подчеркнута появление в суждении термина «разум» — (V-VI столетие) и дается дальнейшая дифференциация этого термина, а также применение его в качестве юридической категории.

Все эти моменты изучены в связи с культурным уровнем грузинского народа XI—XII в.в. В этих столетиях Грузия, значительно шагнувшая вперед в экономическом отношении и политически объединенная, достигла высокого уровня культурного развития. К этому периоду относятся замечательные памятники искусства.

Заслуживает внимания развитие светской литературы, которая обслуживает потребности государственной и общественной жизни. С этой точки зрения центральное место занимает шедевр мировой литературы — философско-художественное произведение Ш. Руставели «Вигязь в тигровой шкуре». В поэме дается глубокий анализ человеческой психики. В некоторых местах произведения тонко передана соответствующая реакция человека на внешнее раздражение.

Приведены концепции философа Иоана Петрици о сущности психики человека и его современника и сподвижника Эквтиме Мтацминдели (святогорца), известного в истории грузинского права, как «обладателя негибкой воли, облеченного беспорным авторитетом».

Эквтиме Мтацминдели говорит о сложности «злодеяния прогрешений» и множестве их видов, так: «Не проста сия болезнь прогрешения, а напротив, она многообразна и многолика». Ввиду этого, от тех, кому поручается осуждение и вынесение приговора, требует «чтобы они внутренне почувствовали и постигли переживание и состояние разума человека, совершившего преступление».

В «Истории грузинского права» академик И. Джавахишвили при толковании термина «разум» указывает, что в эпоху Давида Строителя употреблялось выражение «Неведение разума» (Умецребан гонгебисан), а также выражение — «глубокое (фриад) неведение разума» — и при этом поясняет, что выражение это соответствует французскому выражению «деменция».

Употребление этого термина в эпоху Давида Строителя (XI—XII в.в.) в вышеуказанном смысле, интересно постольку, поскольку тогдашний верховный суд Грузии, т. н. «Дворец просьб» (сааджо кари), был учрежден самим Давидом Строителем и, вероятно, приведенное определение увязывалось со следственной деятельностью. Получается, что если «неведение разума» было установлено и его отличали от нормы, то и приговор выносился соответственный; в противном случае не

пытались бы устанавливать уровень интеллектуального развития испытуемого.

Постановка вопроса в этом разрезе в диссертационном труде расценивается как наличие психиатрической экспертизы в древней Грузии. С этой целью, рассматривая ряд памятников древности, привлекает внимание «Толкование книги псалмов» Эфрема Мцире (Эфрема Младшего, XI в.), где при определении или установлении агрессивности, учитываются физиологические сдвиги во время аффекта: «Учиненная свирепость вследствие кипения крови».

В этой же главе анализируется композиция памятника XIII века «Устав Ваханского монастыря». Относительно выводов и заключений об изучаемой личности в этом памятнике написано: «Не делать заключения востроженно, а рассмотреть вопросы и понятия эти лишь после множества следствий».

Строки эти со всей ясностью свидетельствуют о том, как вдумчиво и серьезно подходили наши предки к объективным данным при решении вопроса об установлении личности.

Там же рассматриваются лица с сексуальными перверзиями, с склонностью к алкоголю и хищничеству, о которых буквально написано так: «Ни прелюбодеяние совершившие, ни грешившие грехом «чужена» (недереастия), ни пьяницы, ни похитители чужого добра не войдут в царство божие».

Отсюда видно, что лиц, одержимых психической аномальностью с проявлением целого ряда патологических черт, и тогда признавали асоциальными, обуздывать которых они намеревались тягчайшим наказанием тех времен «дорогой, ведущей в ад».

Некоторые периоды прошлого Грузии историки отмечают характерными для них названиями, а именно, период царствования Вахтанга VI (XVIII в.), акад. И. Джавахишвили называет энциклопедическим периодом. В этот период были составлены: знаменитый кодекс Вахтанга VI и дважды переведенная на русский и на другие языки география Грузии, написанная сыном Вахтанга VI — Вахушти. В эту же эпоху жил известный грузинский поэт Давид Гурамишвили и замечательный ученый Сулахян Саба Орбелиани, автор грузинского лексикона и сборника басен «Мудрость джи».

В своем уголовном законодательстве Вахтанг считает, что законы должны вытекать из жизненных условий грузинского народа. Он говорит: «Некоторые параграфы моих законов переделаны из сборников законов родственных народов, но порядки, нравы, обычаи, а также поведение у грузин иные, а не подобны порядкам, правам, обычаям и поступкам народов стран иных».

Интересны те статьи из законов Вахтанга VI, где он пишет о невменяемости душевнобольных и об их защите. В ст. 225, устанавливая закон о браке, Вахтанг VI касается эпилепсии и говорит, что муж обязан содержать жену, больную падучей болезнью, в продолжение 3 лет, а в случае неизлечения вернуть ее родителям.

Невменяемость «слабоумных» законодатель разъясняет следующим образом: «Нельзя брать клятвенную присягу от юного или слабоумного», и подробно обосновывает ненадежность их показаний, рекомендуя в подобных случаях основываться на объективных данных — показаниях родственников.

В специальной статье относительно вменяемости лиц, пристрастных к алкоголю, сказано совершенно определенно: «Ведь знает, что вредит, почему же пьет». Подобное разрешение Вахтангом VI этого вопроса несомненно говорит о том, что преступление, совершенное в пьяном виде, им рассматривалось в разрезе физиологического опьянения. Такое же толкование некоторых статей было высказано заведующим кафедрой уголовного права Тбилисского университета проф. Ал. Вацейшвили.

Переходя к рассмотрению следующего памятника — «Военное законодательство» (Ганчинеба) грузинского полководца, блестящего стратега царя Ираклия II, можно установить следующие элементы военно-психиатрической экспертизы.

В одной из статей этого законодательного документа царь Ираклий твердо приказывает: «Если заключенный заболел (речь идет о военном лице), согласно нашему приказу его должен осмотреть врач, и, если он докажет его болезнь под присягой, следует отпустить, а если болезнь притворная, продлить заключение».

Априори можно сказать, что эта статья относится не к тяжело больному, который в виду пагубности заболевания не нуждается в клятвенном заверении, а к сомнительным случаям, когда затруднительно установить подлинность заболевания и допускается симуляция. Такой подход наших предков можно считать как проявление «эмпирической» военно-психиатрической экспертизы.

Тут же описывается общее положение той эпохи и четкая ориентация царя Ираклия в отношении русского народа, результатом чего явилось заключение дружбы между грузинским и русским народами.

Наконец, в этой главе подвергается разбору «Словарь грузинского языка» Сулхана-Саба Орбелиани.

Этот памятник не только олицетворяет вершину лексикографических традиций Грузии XVII века, но и является монументальным трудом глубокого мышления и энциклопедических знаний.

В словаре рассмотрены и конкретизированы компоненты, входящие в психическую сферу «разум». Особо привлекают внимание, с одной стороны, термин «сумасшедший», который представляет собой собирательное понятие, отражающее своеобразную попытку классифицировать все душевные заболевания в виде 11 позологических единиц и, с другой — термины «произвольный», «непроизвольный», соответствующие нынешним: «вменяемый» и «невменяемый».

Несомненно, что это разграничение душевных заболеваний могло выработаться лишь на основе длительных наблюдений над психикой человека и суждений о видах изменений последней. Такое многогранное толкование этого термина безусловно является следствием глубокого понимания человеческой психики.

Изучение и анализ вышеназванных памятников дает право утверждать о несомненном наличии в Грузии в XVII—XVIII в.в. психиатрической экспертизы, которая, на этом этапе, сравнительно с ранней эпохой, безусловно получила конкретизацию.

* * *

Третья глава посвящена изучению уровня психиатрической экспертизы в Грузии в XIX веке. В ней представлен обзорный материал, характеризующий условия жизни в Грузии, в частности Тбилиси, к началу XIX столетия. На культурном фоне прошлого развертывалась и развивалась деятельность различных отраслей. Тут же показаны значение и влияние роста количества врачей на психиатрическую деятельность, на развитие психиатрической экспертизы и разница, существовавшая между психиатрической экспертизой, проводимой полицейскими работниками, и экспертизой тех врачей, которые не были психиатрами, но осуществляли функции их.

В работе приведены характерные акты психиатрической экспертизы 1832 года и позднейшие документы, которые хорошо освещают уровень развития этой отрасли. В этих же материалах имеются вполне удовлетворительные анамнестические сведения, описание сути дела, но без соответственной заключительной части. В одном из актов, где детально описаны поступки несмысленного, явно чувствуется правонарушение при патологическом опьянении. Однако «экспертиза» в заключении не учитывает этого при решении вопроса о вменяемости.

Точно такая же несоответственная заключительная часть имеется и в другом акте, в котором с наименьшей точностью описываются проступки, совершенные при простом опьянении.

Всему этому в работе дается соответствующая оценка и делается следующий вывод: представители законодательных органов и члены психиатрической экспертизы в то время еще не имели должной квалификации для ведения психиатрической экспертизы; отсутствовал также общий критерий для решения вопроса о вменяемости. В связи с этим в труде указаны те неблагоприятные условия, которые тормозили развитие психиатрической экспертизы в царской России.

После обзора актов экспертизы, проведенных полицейскими работниками, в труде представлен уровень военной психиатрической экспертизы того времени. С надлежащей критической оценкой цитируются отдельные статьи военного медицинского приказа, составленного в 1806 году в Петербурге, экземпляр которого хранится в Государственном архиве Грузии; анализируется также метод военного призыва путем бросания жребия, в труде обрисовано то формальное положение врачебной комиссии, в котором она тогда находилась.

Состояние психиатрической экспертизы во второй половине XIX столетия характеризуется значительным ростом врачебных кадров в лице городских и уездных врачей. В этом же разделе приводятся эпизоды борьбы передовой грузинской и русской интеллигенции против царского правительства. Особо отмечается протест царскому режиму, выраженный классиками грузинской литературы Ильей Чавчавадзе, Акакием Церетели, общественным деятелем Сергеем Месхи и врачом-психиатром А. А. Павловским.

Особенно подчеркивается активная деятельность городских и уездных врачей в области психиатрической экспертизы.

В этой же главе сообщается о приезде в Грузию в 1868 году трех врачей (Павловского А. А. Гамрекели В. Г., Мревлишвили С. О.), получивших образование в Московском университете, о деятельности каждого из них и, особо, о заслугах А. А. Павловского, как первого в Грузии квалифицированного психиатра и эксперта. Из приведенного фактического материала явствует, что Павловский получил квалификацию психиатра в Петербурге, где он усвоил традиции ведения психиатрической экспертизы у своего учителя знаменитого русского психиатра проф. Балинского.

Документально установлено, что Павловский первый отменил использование смирительных рубаш в Грузии, ему же принадлежат опыты внедрения трудовой терапии, введение в традицию предварительного ознакомления с судебным делом до проведения психиатрической экспертизы: «Имею честь по-

корнейше просить контору истребовать из окружного суда следственное дело испытуемого Б. Г.,»—пишет он в 80-х годах.

Вместе с этим Павловский требовал выступления психиатра-эксперта на судебном процессе не в качестве свидетеля, а эксперта, пользующегося всеми правами при решении вопроса вменяемости.

Упоминается также о тех врачах-грузинах, современниках Павловского, которым приходилось сотрудничать непосредственно с ним и которые внесли свою лепту в дело психиатрической экспертизы: Т. Гедеванишвили, В. Гамрекели, А. Бахуташишвили, А. Сулханшвили, Д. Мревлишвили, С. Мревлишвили и прочие.

Наконец, в этой главе подчеркивается бережное отношение Павловского к грузинской национальной культуре, к грузинскому языку, которым владел в совершенстве, к психиатрической науке, к авторам родной страны, не разделяя слепо концепции буржуазных авторов и даже критикуя их. В труде приводится список шестнадцати научных работ, которые принадлежат его перу.

Особое внимание заслуживает работа «Об аффективном состоянии перед судом». Павловский в указанном труде, разбирая вопрос аффекта и работу эксперта, пишет: «Всегда в подобных случаях найдутся возражения, сомнения, предположения, что тоже самое бывает у людей здоровых, так же действуют и здоровые и т. п. Исследование и надлежащая оценка всех обстоятельств, помимо личности преступника, иногда дает руководящую нить эксперту для составления себе определенного или вероятного мнения о данном случае». Там же, анализируя деятельность психики человека, Павловский пишет: «Постоянное течение мысли есть необходимое условие для психического равновесия, ибо всякий застой в этом отношении вызывает уже неприятное чувство—душевную боль».

Критически рассмотрены взгляды юридического общества Грузии и его представителя Быкова на деятельность и права психиатрической экспертизы. Аналогично проанализирована деятельность общества врачей. Описываются случаи психиатрической экспертизы, фигурировавшие на очередных заседаниях этого общества в качестве «казуистики».

Не оставлена без критики и те доклады, авторы которых с позиций антропологической школы трактуют вопросы психиатрической экспертизы.

В последнем разделе труда говорится о творческом развитии психиатрии в Грузии XX века. В нем изложено как крепло в задачах психиатрической экспертизы материалистическое понимание психических явлений.

Значительная роль в развитии научной психиатрии и психиатрической экспертизы принадлежит основоположнику научной психиатрии в Грузии профессору М. М. Асатиани, который своими работами проложил путь и научной экспертизе. Этот путь стал опорой для дальнейшего развития судебной психиатрии в Грузинской ССР.

В Ы В О Д Ы

1. Еще в шестнадцатом столетии, когда в Западной Европе свирепствовала инквизиция, в практике грузинского правосудия было введено изучение уровня психического развития испытуемого, которое учитывалось при вынесении приговора.

2. Применение некоторых терминов в уложениях тогдашней Грузии, выражающих патологическое состояние психики, указывает на наблюдательность и правильность суждений по поводу ее изменений.

3. В традициях древне-грузинского правосудия имело место обязательное изучение состояния разума при установлении вменяемости испытуемого.

4. Грузинские философы, как это видно из исторических памятников, не рассматривали испытуемого, как «врожденного преступника», или «одержимого злыми духами», а анализировали его личность в связи с влиянием внешней среды.

5. При изучении истории психиатрической экспертизы Грузии XIX столетия с предельной ясностью устанавливается активное выступление городских и уездных врачей против самоуправства и невежества со стороны работников юстиции и полиции.

6. Динамика развития психиатрической экспертизы в Грузии может быть разбита на следующие этапы.

а) Древнейший период—гуманные, но пассивные концепции о правоспособности душевнобольных;

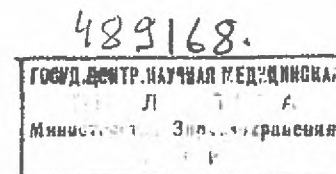
б) Эпоха Давида Строителя (XI—XII в.в.)—попытки дифференциации умственного развития испытуемого при рассмотрении вопроса его ответственности;

в) Эпоха Вахтанга VI (XVIII в.)—законодательство об уголовной ответственности душевнобольных, требующего анализа и изучения психического состояния испытуемого.

г) Эпоха царя Ираклия II—законодательство и зачатки военной экспертизы (встреча врача с военнообязанным).

д) XIX век культурные связи передовой русской и грузинской интеллигенции. Первый этап клинической психиатрии и первый квалифицированный эксперт-психиатр Грузии Павловский А.;

е) Советский период—состояние психиатрической экспертизы в Грузии после установления Советской власти и ее развитие на базе общих успехов социалистического строительства.

Подписано к печати 5 октября 1955 г.
Объем: уч.-изд. листов 0,75, печатных листов 0,75.
Формат набора 6×10 кв. Формат бумаги 60×92/16

Заказ № 1160 УЭ 06345 Тираж 100

Типография Грузмедгиза. Тбилиси, Медгородок.